

Индивид, государство и общество

1909, источник: [здесь](#). Немногие из теоретиков анархизма вызывали при жизни такие споры среди товарищей по движению, как Пьер Рамус (или Рамю). Все зависело от точки зрения, политической позиции и личного отношения. Одни считали его слишком резким и полемичным, догматичным и бескомпромиссным. Для других он был захватывающей личностью, неутомимым пропагандистом, вызывавшем восхищение...

Что я понимаю под словом «индивидуализм»? Я понимаю под ним взгляд, который утверждает социальные права и обязанности человека в соответствии с его собственной природой и во всех этих пунктах не опирается на государство. Индивидуализм учит преобладающему значению личности; и хотя он полностью признает естественность и необходимость социальной жизни для человека, он в то же время утверждает, что любая форма социальной организации должна быть лишь средством для достижения целей личности, поскольку во всех случаях человек, отдельная личность, является составной частью социального организма.

Как только мы пытаемся дать столь же чёткое определение демократического государственного социализма, мы сталкиваемся с многочисленными трудностями. Этот социализм, например, гораздо чаще существует как фрагмент политики и практической тенденции, чем как интеллектуальная концепция и стремление.

В целом он проявляется как филантропическая цель, а не как философское убеждение. У политического государственного социализма много учеников, а у интеллектуального мира социализма – лишь несколько последователей. Возьмём, к примеру, вопрос об образовании, который так часто занимал парламентские органы всех стран, или проблему пенсионного страхования, которая сейчас волнует нас в Австрии. И то, и другое характерно для «парламентского социализма» – это железная тенденция того, что ложно называется социальным законодательством, но на самом деле является «государственной монополией функций». Это тенденция оттеснить индивидуальное действие и ответственность, подавить инициативу личности через государство, сделать государство господствующим над личностью, облечь первое в такую абсолютную привилегию прав, что права личности становятся чисто временными и условными, фактически, перед лицом власти государства над жизнью личности, полностью исчезают. И все это государство может сделать только с помощью средств, которые оно извлекает в виде налогов из своих подданных.

Возможно, сами того не осознавая, социал-демократы, стремящиеся ввести и расширить функциональную власть государства даже в самых мелких и крупных делах человека, являются верными последователями старого и испытанного философа абсолютизма Томаса

Гоббса; новое издание его главного труда под названием «Левиафан» стало для них самой красноречивой апологией и интеллектуальным оправданием. Государственная монополия на функции – вот к чему они стремятся и на что, по их мнению, способно современное государство.

Но что на самом деле представляет собой государство? Мы понимаем под ним министерство, парламент, различные организации законодательной и исполнительной власти, через которые государство выражает себя. Под государственной монополией функций я понимаю ту тенденцию, которая всеми имеющимися в ее распоряжении средствами стремится превратить само государство в своего рода «провидение для всех». Эта тенденция находит своё естественное воплощение в постоянном расширении полномочий государства, из чего опять-таки вытекает, что оно может подчинить себе все индивидуальные силы предприятия всемогуществом своего существа, так что каждая индивидуальная обязанность, каждое индивидуальное право будут стоять лишь на втором месте, а его всеобъемлющая власть – на первом и главном.

Обязанности могут иметь какую-либо цель, какой-либо смысл, только если они относятся к людям, личностям, но перестают быть обязанностями, как только они имеют отношение только к безличным объектам и институтам. Таким образом, когда мы говорим об обязанностях по отношению к государству, мы всегда предполагаем, что государство как государство обладает личностной сущностью, квазиперсональным характером. Это неверно. Неверно даже, если мы хотим предположить, что государство как «личность» обладает той характеристикой, которая присуща народу, которым оно правит. Ведь государство не является ни органической составляющей народа, ни синтетической формой, под влиянием которой существование индивидов обретает высшее единство и гармонию.

Невозможно представить себе идеальное общество, личности и институты которого настолько совершенны, что представлены в виде целостного комплекса в нескольких гигантских идеальных личностях, чьи индивидуальности на самом деле являются лишь выражением остальной суммы личностей. Такого общества, однако, в настоящее время не существует, а если бы оно и существовало, то могло бы быть обществом, но никак не государством.

В повседневном общении мы используем слова «государство» и «общество» так, как будто это одно и то же. Но мы должны знать: это не одно и то же, хотя обычно мы хотим не замечать разницы между ними. Мы говорим об «обязанностях народа», когда подразумеваем «обязанности государства», о «богатстве народа», когда гораздо правильнее было бы сказать «богатство государства». Молчаливо предполагается, что государство является естественным исполнителем «воли народа», что все, что должен делать народ, может делать только народ, должно и может при любых обстоятельствах делать только государство.

Эта путаница – благодатная почва для многих заблуждений; пока она существует, основы индивидуальной свободы не проясняются и не понимаются. И государство, и народ – это формы социальной организации. Но если государство по сути своей является политическим органом, то народ – нет. Народ – это прежде всего этическое объединение. Народ тоже

может быть политическим органом, но эта форма существования не является конституирующим качеством народа и не выражает его характер. Политическое тело – это организация, созданная в соответствии с принципами власти с целью господства.

Напротив, объединение людей в народ – это не инструмент политического господства, а этическая и психологическая необходимость. Он существует как единство – в той мере, в какой народ является таковым, – не потому, что подчиняется насильственной власти, государству, а благодаря сплочённости общинной жизни, общности интересов, симпатий и устремлений.

Национальное единство политического тела может быть и было навязано народу силой через определенные исторические процессы, навязано извне; единство народа – это всегда вопрос внутренности, интернализации.

Народ, общество – это коллектив, символизированная концепция индивида. Социальная жизнь не существует вне индивидов; она возникает только в их совместной деятельности и способах существования. Таким образом, общество – это определенная форма человеческого объединения индивидов в семьи, союзы друзей и ремесла, а также интеллектуальные ассоциации, и существует оно лишь постольку, поскольку индивиды объединяются и образуют общество посредством своего объединения, т. е. союза.

Более того: каждый из связанных таким образом индивидов – это личность, обладающая этическими и другими чертами характера, определенными целями, которые в своей совокупности приводят к формированию автономной личности и наделяют её индивидуальными правами, которые должны оставаться неприкосновенными. Его соратники – равные ему товарищи, а различные группы и объединения, которые они образуют и создают, существуют только через них, в них, без них они не имеют ни существования, ни возможности.

Таким образом, мы видим, что общество всегда является лишь результатом, что оно зависит от всех индивидуальных существований, подчиняясь целям, которые в уважительной последовательности являются целями индивида. В этом подчинении общества и его жизни целям индивида, которое всегда ведет к образованию социальных групп, заключается этическая связь, которая делает общество этическим союзом индивидов.

Как таковое, и именно в той степени, в какой общество действительно достигло стадии подлинно этического сообщества, основанного на индивидуальной свободе, оно позволяет проявляться индивидуальным различиям в характере, становясь средством самореализации и самовыражения личности.

А теперь – что такое государство? Государство – это составная форма политического организма. Его характеристики выражаются в законодательстве, а главным оружием является сила. Несколько грубовато, но тем более точно будет сказать, что почти все государства появились в рамках исторического контроля таким образом, что благодаря историческим случайностям и событиям они возникли как властные группировки над «естественными» социальными группами, сформировавшимися благодаря общности труда и

симпатий. Во многих случаях – например, при деспотизме в эпоху итальянского Возрождения – становился очевидным чисто внешний характер государственной организации, никак не связанный с естественной сущностью народа.

Не может быть ничего глупее представления, возникшего также в рабочем движении, о том, что качество считаться гражданином означает больше свободы и прав. Государство – это кооперация сил, которая обращается с различными социальными классами в зависимости от их полезности для его интересов и, прежде всего, от их силы. Последних оно признает лишь до тех пор, пока они не представляют угрозы для его существования. Таким образом, становясь гражданином или будучи им, свободный человек присоединяется к уже существующей организации силы, которая признает его гражданином лишь постольку, поскольку он подчиняется ей и вписывается в неё.

Для рабочих и их представителей, которые так часто наивно и невежественно хвастаются тем, что они сегодня граждане, это «право» имеет тем меньше смысла и содержания, что государство допускает участие в своей деятельности только в той мере, в какой участники обладают экономической властью, т.е. богатством, чего нельзя сказать о рабочем классе. Поэтому признание рабочего гражданином означает его непризнание в качестве революционного социалиста и юридическое подчинение псевдоправам и псевдосвободам существующего насильственного рабства.

Современное естествознание уже давно опровергло старое суеверие о том, что в человеке есть два разных элемента – эгоистический и альтруистический. Каждый человек – сам по себе, отдельная личность, и как Я он стремится утвердить себя в борьбе за существование. Однако было бы совершенно неправильно противопоставлять эгоизм и альтруизм на основании этого принципа. Прежде всего потому, что ни один человек не может жить в одиночестве, изолированно для себя, не становясь кретином. Поэтому общество, объединение – необходимость для каждого человека. Именно его эгоизм заставляет его устанавливать социальные отношения. Теперь эти отношения должны быть такими, чтобы всем людям было дано реализовать свою личность в соответствии с присущими им склонностями. Только теперь духовно и этически развитый эгоизм проявляется как так называемый альтруизм.

С точки зрения эгоистического Я, взаимные отношения между людьми должны быть такими, чтобы всем людям была предоставлена и гарантирована возможность их индивидуальной самореализации. Эгоизм и альтруизм оказываются едиными, развитыми духовными инстинктами: социально активный эгоизм – альтруизм, оба не противоположности, а деятельность одного и того же жизненного инстинкта в разных сферах. Эгоизм занимается прежде всего своими личными делами, а альтруизм – это эгоизм, действующий в социальной сфере и зависящий от неё.

Кто-то возразит, что эгоизм в рамках существующего общества принимает весьма отвратительные формы и расцветает. Конечно, мы имеем в виду только капиталистическую эксплуатацию и господство. Но никогда не следует забывать, что этот эгоизм искусственно ограничивается низшей сферой деятельности только для индивида, поскольку организация социальных институтов такова, что каждый человек не находит своего Я в рамках

социальной ассоциации, но должен продвигать своё эго за счёт последней, если он вообще способен достичь последней цели.

Так что не эгоизм виноват в сложившихся социальных условиях; напротив, именно эти социальные условия препятствуют развитию эгоистического инстинкта в альтруистическое духовное осознание того, что благо всех гарантирует и благо отдельного человека.

Точно так же обстоит дело и с социализмом. Что же на самом деле означает социализм? Это слово – переходная форма для социального и социализированного. Но где же может существовать общество без индивида? И поскольку невозможно предположить, что социализм, социальное, стремится убить личность, то есть фундаментальные элементы её существования, то социализм есть не что иное, как то состояние общества, в котором личность может свободно развиваться и разворачиваться в материальном плане. Это возможно только в состоянии без социального господства.

Таким образом, видно, что название «анархизм-социализм» способно выразить лишь всю цель усилий всех людей, которые действительно борются за свободу. Слово «социализм» означает только социальный принцип и совершенно не затрагивает личность; так же, как это происходит с современной социал-демократией, для которой социализм не является социальным выражением индивидуальной свободы, но которая помещает социализм в смиренную рубашку демократии и поэтому должна ненавидеть и стремиться искоренить все индивидуальное в жизни.

Но исторически индивидуализм и общество или социализм также не являются противоположностями. Французский социалист Пьер Леру, конечно, хотел видеть и слышать слово «социализм» в противопоставлении индивидуализму. Но он имел в виду лишь принцип сегодняшнего эксплуататорского индивидуализма, который не только не имеет ничего общего с идеей подлинной свободы личности, но и подавляет её.

В остальном же настоящие мыслители и основатели социализма никогда не устраняли и не отвергали индивидуализм; они всегда очень высоко ценили принцип индивидуальной свободы. Автор этого эссе лишь напоминает нам о французских социалистах Морелли, Мабли, Фурье, сен-симонистах, Кабе, Луи Бланке, которые развивали свои социалистические идеи на основе индивидуалистических идей Великой революции; достаточно вспомнить великого английского социалиста Роберта Оуэна и его ученика Томпсона, которые сформулировали теорию прибавочной стоимости и эксплуатации ещё в 1824-м году – до Маркса – и которые во всех своих социалистических теориях были тесно связаны с философом индивидуализма Джереми Бентамом.

Ведь политический прогресс движется в том направлении, которое возвращает народу функции, заимствованные государством. Ограничительная, ослабляющая сила этого прогресса становится средством национальной концепции жизни, которая, как государство, постоянно всё более вытесняется, подчиняется его этическим влияниям, которые, в свою очередь, определяют жизнь общества вплоть до высших целей его развития: безгосударственности, анархии.

Таким образом, в настоящем мы имеем два чётких, ясно ощутимых течения и стремления. С одной стороны, мы имеем непрерывно растущую, побеждающую и расширяющуюся тенденцию, которая находит своё равновесие и реализацию в абсолютно равной свободе для всех – в свободной ассоциации и кооперации свободных индивидов, объединённых взаимной симпатией, равными интересами и работой. С другой стороны, мы видим государственную машину, карающую и навязывающую законы индивидам, конечным аргументом которой является насилие, принуждение. Только вытеснив второе направление первым, можно достичь конечных целей общественной жизни: идеала личной свободы, дополненного братской социальной жизнью.

Ни одна нация еще не стала такой, какой она должна быть в соответствии с её природой как этического организма. Психологические узы социального единства – то, что Карлайл называл «органическими волокнами», – всё ещё несовершенны повсюду, как внешне, так и внутренне. Насилие всё ещё преобладает в общественной жизни, которая считается невозможной без него. Но это обстоятельство вытекает из самого этого несовершенства; и в том самом случае, когда оно преодолевается, то есть когда люди реализуют идеал истинного братства, когда устанавливается подлинная общность жизни в рамках общества, возможность насилия исчезает.

На этапе идеального совершенствования человеческого общества – когда характер народа как этического звена стал бы реальностью для всех – нет места, нет возможности для авторитарного правления и законов. В той же пропорции, что и развитие и прогресс общества, власть государства будет становиться все более узкой, все меньшей и меньшей.

Его место в конце концов полностью заполнит свободная коммунистическая кооперативная система, объединяющая людей на основе их психологического единства и сплочённости.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 26 июля 2025 00:01:06

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 26 июля 2025 00:02:15